

В гостях у еженедельника «Литературная Россия» известный писатель и публицист, главный редактор литературного альманаха «Реалист» Юрий Поляков.

Лит. Россия, — 1997. — 5 дек.

с. 9

С ЧУВСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

— Как рождались ваши книги? Чем живет писатель — наш современник и как он может повлиять на жизнь общества?

— Я начинал как поэт. У меня вышло четыре книжки стихов. Поэзия научила меня пониманию того, что иногда пробел между двумя словами вмещает в себя больше, чем сами слова. И прозу я стараюсь писать, пользуясь этим принципом. Пишу первый вариант, второй, третий, и до такого ощущения, что все, больше ни одно слово не передвинуть ни туда, ни сюда. У этого есть свои минусы: я написал гораздо меньше своих ровесников — шесть повестей и один роман. Но зато на встречах читатели иногда говорят: «Ваша книга стоит у меня на полке, и когда у меня плохое настроение, я ее перечитываю». Моя главная мечта — быть писателем перечитываемым.

— Почему в ваших произведениях вы предпочитаете «открытую» концовку?

— Жизнь вообще многозначна, и в каждый конкретный момент мы не знаем, что произойдет. И концовки в жизни, как таковой, нет. Даже если, например, счастливая свадьба, то что будет после свадьбы — неизвестно. Дальше может начаться совершенно другая история. Точки нет даже там, где она формально ставится. Я считаю, что открытая концовка помимо этого еще и заставляет читателя подумать. Для того, чтобы сделать выбор, я предлагаю несколько вариантов — надо проанализировать, что произошло, читатель вновь обращается к тексту и еще раз его через себя пропускает. Таким образом, достигается как бы двойной эффект. С одной стороны, это дань реалиям жизни, а с другой — это прием, такая маленькая хитрость.

— Оставляя читателю выбор, подталкиваете ли вы его все-таки к определенному решению?

— Мне всегда хочется, чтобы у людей все было по-людски. Конечно, мне хочется, чтобы от человека не ушла любимая женщина, чтоб талантливый учитель остался работать в школе, а не охранял по ночам казино. Сейчас литература интересуются, к сожалению, аномальными явлениями и берет в этом пример с Запада. Там спокойная бюргерская жизнь, и отклонения от нормы — своеобразный протест. А у нас и так вокруг одно отклонение от нормы. В моих книгах их достаточно мало. Я считаю, что многие мои книги вполне могут быть семейным чтением. «Сто дней до приказа» и «Работа над ошибками» включены в школьную программу.

— Из школьного опыта известно, что «разжевывание» произведения в классе зачастую убивает всякий интерес к нему. Вы не боитесь, что это может произойти и с вашими книгами?

— Конечно школьная программа немало мертвит изучаемый текст. Но пройдет 5 — 10 лет, и вся методика преподавания (кто «выразитель» и «представитель» чего) выветрится из головы. А ощущение текста останется. И даже если ты его не помнишь, это не значит, что он на тебя не влияет. Реакция человека на обычные жизненные события может зависеть, например, от того, читал ли он Достоевского.

— Представляете ли вы себе круг ваших читателей?

— Очень хорошо представляю. Мой круг читателей — это средняя интеллигенция: учителя, врачи, научные сотрудники, военные, интеллектуальный рабочий.

— По вашим произведениям сняты художественные фильмы. Вы согласны с тем, как режиссеры их интерпретируют?

— В этом отношении я — фаталист. Считаю, что с режиссером ничего нельзя

сделать. Фильм, над которым я больше всего тряса, пытаюсь сделать его как можно ближе к тексту, сняли так, что от меня там вообще ничего не осталось, кроме названия и имен героев. А фильм, который я увидел только на премьере («Работа над ошибками»), ближе всего к тексту. Тут не угадаешь. Поэтому, когда ставят спектакли, снимают фильмы, я не забиваю себе этим голову.

— А новых фильмов не предвидится?

— У меня начали снимать еще два фильма, но в 1992 году их закрыли, не было денег. Я думаю, что со временем будут что-то снимать. Все упирается в деньги. Западные фонды меня не поддерживают, так как в своих статьях и выступлениях я придерживаюсь государственно-патриотических позиций. Я считаю: то, что происходит сейчас в стране, — неправильно, нельзя так делать реформы. И что, критикуя большевиков, нынешние реформаторы проводят не менее чудовищный эксперимент.

— Как вы относитесь к политике?

— Моя главная работа — писательство. Но мои интересы все-таки шире. Я пишу публицистику, выступаю на телевидении. Политикой я какое-то время пытался не заниматься. Но я заметил, что после 1991 года в политику пришло много людей, которые хотят решить только свои проблемы, самоутвердиться. Сейчас мы видим, что про культуру забыли. Она оказалась вне интересов власти. И именно с этим связано мое желание баллотироваться в Московскую Думу. И как писатель работаю напрямую через книгу от сердца к сердцу каждого читателя, так и я решил быть независимым кандидатом, чтобы напрямую работать с избирателями.

— Какие ваши новые произведения публикуются?

— Недавно вышел однотомник, куда вошли «Козленок в молоке» и «Парижская любовь», а также трехтомник в издательстве ОЛМА-ПРЕСС. Сейчас пишу новый роман о моем поколении. Что здесь интересно? То, что мы пережили революцию. И перед всеми людьми, ее пережившими, встала проблема — адаптироваться и вжиться в совершенно новый мир. О том, что происходит в семьях, что происходит в человеческих душах, — об этом мой новый роман, который называется «Замыслил я побег». Это одновременно семейный, любовный, политический и сатирический роман. Он будет самым большим моим произведением. Его фрагмент уже был опубликован в газете «Завтра». А целиком он появится в печати в будущем году.

Беседу вели
Е. ФИЛАТОВА, А. ШАНГИНА

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие читатели-москвичи!

Писатель Юрий Поляков — независимый кандидат в депутаты Московской городской Думы по 7-му округу (Аэропорт, Сокол, Хорошевка, Щукино) на выборах 14 декабря.

У нас с вами есть уникальная возможность избрать в Думу депутата, профессионально разбирающегося в вопросах культуры, литературы, издательского дела. Юрий Поляков известен своими твердыми государственно-патриотическими взглядами и общественной активностью.

Пожелаем ему успеха!